

ства, а не въ гамѣ принудительной соціальной активности. Этотъ чловѣкъ не нуженъ ни для строительства ни для обороны родины. Онъ дышитъ, поскольку можетъ дышать, по недосмотру и попушенію властей. Но если Рос-

сін суждено остаться духовной личностью, а не только географическимъ и политическимъ мѣстомъ, ея будущее зачинается сейчасъ въ молчаніи, едва для самого себя выразимомъ.

Г. Федотовъ.

Украинскій сепаратизмъ

Национальныя проблемы, постепенно осложняясь, къ XX столѣтію успѣли во многихъ случаяхъ дріобрѣсти большую напряженность и даже остроту. На Балканахъ, въ Китаѣ, Индіи, Палестинѣ, Южной Африкѣ, Египтѣ, Турціи, Афганистанѣ, Ирландіи, Иславнн и т. д., и т. д. отдѣльныя націи или подводятъ итоги своего, давно уже идущагося, національнаго движенія, или возрождаются послѣ многовѣкового національнаго анабіоза, или, наконецъ, создаются совершенно заново тамъ, гдѣ никакого проблемска національнаго сознанія до сихъ поръ еще не существовало.

Аналогичный національный процессъ въ его многообразныхъ формахъ коснулся и Россіи. Конечно, отношеніе русскаго чловѣка къ этому процессу не можетъ быть инымъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, только потому, что онъ «происходитъ на русской территоріи или на территоріи бывшей русской имперіи». Оно можетъ быть отрицательнымъ только въ отношеніи возможныхъ отклоненій и извращеній вопліи законнаго и здороваго въ своей основѣ національнаго процесса (П. Миллюковъ. Национальный вопросъ). Совершенно ясно также, что на различныхъ образомъ возникавшіе и по раз-

ному формулированныя національныя вопросы не можетъ быть единаго, ко всѣмъ конкретнымъ случаямъ въ равной мѣрѣ приложимаго отвѣта.

Если Россіи суждено возродиться, то крѣпость ея внутренняго единства можетъ быть достигнута только путемъ отказа отъ ея былого унитарнаго централизма. Но формы будущихъ національныхъ взаимоотношеній въ Россіи не могутъ уложиться въ единую схему. Прежде всего, существуютъ народы, ранѣе входившіе въ составъ имперіи, право которыхъ на самостоятельное существованіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ отношеніи же остальныхъ народовъ Россіи предстоитъ, повидимому, осуществить, чуть ли не всю гамму возможныхъ національныхъ построеній, начиная отъ развитыхъ федеративныхъ формъ и кончая территоріальной, а, быть можетъ, даже и национально - персональной автономіей.

Отсутствіе определенной, обязательной схемы, въ которую всегда и всюду укладывалось бы практическое разрѣшеніе каждой конкретной національной проблемы, дѣлаетъ необудительнымъ поверхностныя сравненія различныхъ национальныхъ движеній, между которыми на ряду съ не-

избъжными чертами сходства имѣются и весьма глубокія и серьезныя внутреннія различія.

Несомнѣнной приверженностью къ подобнаго рода аналогіямъ сгораются украинскіе сепаратисты, обычно слишкомъ легко ставящіе знакъ равенства между различными, какъ по своему происхожденію, такъ и по внутреннему своему содержанію національными процессами. Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и вышедшая недавно на французскомъ языкѣ книга «Украина противъ Москвы», принадлежащая перу А. Я. Шульгина*), бывшаго въ Кіевѣ, въ концѣ 1917 года, «народнымъ министромъ» иностранныхъ дѣлъ.

По утвержденію А. Я. Шульгина историческія судьбы другихъ, ранѣе угнетаемыхъ, а затѣмъ освободившихся народностей, цѣликомъ «оправдываютъ» украинскія сепаратистскія стремленія и даютъ украинскимъ дѣятелямъ полную увѣренность, что и они въ концѣ концовъ сумѣютъ непременно добиться полного политическаго освобожденія Украины. Особенно привлекаетъ вниманіе А. Я. Шульгина «единство» историческихъ путей Чехіи и Украины.

Не вполне понятно, почему А. Я. Шульгинъ для своихъ выводовъ остановился именно на аналогіи между историческими судьбами Чехіи и Украины. Быть можетъ, ему казалось, что такія наглядныя и европейскому читателю много говорящія примѣромъ онъ лучше всего воздѣй-

ствуетъ на французское общественное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ приводима авторомъ аналогія только лишній разъ подтверждаетъ, какъ, въ сущности, мало могутъ что доказывать поверхностныя историческія сравненія.

Населеніе великаго княженія Кіевского въ X-XII вв. не только не противопоставало себя остальнымъ восточнымъ (русскимъ) славянамъ, но въ лицѣ своихъ лучшихъ, наиболѣе культурныхъ представителей никогда не переставало сознавать свое національное единство со всеми другими русскими племенами. Этого чувства, во всякомъ случаѣ не могло быть у чеха въ отношеніи къ нѣмцу. У Чехіи и Австріи не было общихъ національных могилъ, общихъ національных гербовъ, нераздѣльности національнаго сознанія. Отдѣляясь отъ Австріи, Чехія уходила изъ національно ей чуждаго дома.

Совершенно иначе, видъ какого бы то ни было сходства съ чешско-нѣмецкими отношеніями, складывались глубочайшія историческія основы во взаимоотношеніяхъ трехъ народностей, — великороссовъ, украинцевъ и бѣлороссовъ, составлявшихъ къ концу XIX вѣка 65% всего населенія Россійской имперіи.

«Есть только одинъ славянскій народъ на Русѣ», поучалъ своихъ читателей ученый книжникъ, древній русскій лѣтописецъ, составитель «Повѣсти» о томъ, «Откуда пошла естъ русская земля». Съ меньшей отчетливостью это представленіе о національномъ единствѣ всего восточнаго славянства раздѣлялось и другими представителями древне-русской

*) A. Choulguine. L'Ukraine contre Moscou (1917). Ed. Félix Alcan, Paris. 1936.

письменности, въ томъ числѣ Черниговскимъ игуменомъ Даниломъ, авторомъ замѣчательнаго для своего времени произведенія — «Хожденіе во святую землю», и гениальнымъ южно-русскимъ лѣтвиомъ «Слова о полку Игоревѣ». Когда на берегахъ быстрой Каялы пали знамена Игоревы и храбрые Русичи полегоша за землю русскую», то всѣхъ безъ исключенія русскихъ князей зоветь поэтъ на помощь обшчнерусскому дѣлу. Въ томъ числѣ обращается онъ и къ галицкому князю Ярославу, который «шодперъ горы угорскія своими желѣзными полками, и шлошилъ пороты Дунаю». Зоветь онъ и сѣверо-восточнаго князя Всеволода Большое Гнѣздо, на территории котораго уже стоялъ въ то время крошечный городъ, именуемый Москвой: «неужели, князь, ты не собираешься прилетѣть къ намъ сюда издали, чтобы вручить намъ изъ бѣды», «ты вѣдь можешь Волгу раскропить веслами и Донъ вытнть шеломами своихъ воиновъ».

Неудивительно, что въ такъ называемую Киевскую эпоху русской исторіи не разъ тѣснѣйшимъ образомъ сплетались политическія судьбы различныхъ русскихъ земель и шумъ княжескихъ и земскихъ междоусобицъ не позволялъ все же князьямъ Рюрикава дома забыть, что они «не угры и не ляхи, но одного дѣда внуки».

Тогда же, въ теченіе перваго періода русской исторіи, успѣли выработаться у восточныхъ славянъ и такія формы взаимнаго общенія, которыя въ какой-то мѣрѣ замѣняли имъ отсутствовавшее еще въ то время государственное единство. Будущее въ этомъ от-

ношеніи только завершило то, что было ему завѣщено Киевскою Русью. Москва осуществила политическую идею, зародившуюся еще въ то время, когда крупнѣйшіе и вліятельные центры русской жизни, находившіеся не въ Междурѣчьи Оки и Волги, не въ колыбели Великороссіи, а на югѣ, на Днѣпрѣ.

Въ этихъ условіяхъ, явно искусственны попытки украинскіихъ сепаратистовъ изобразить древне-русскую, южную, исторію какъ историческій процессъ, ничего общаго не имѣющей съ русскимъ сѣверо-востокомъ. Взаимоотношенія отдѣльныхъ русскихъ земель складывались въ ту эпоху какъ разъ въ обратномъ направленіи, чѣмъ то утверждаетъ довольно прочно установившаяся въ украинской литературѣ историческая традиція. Вплоть до самаго татарскаго ига взаимныя сношенія и связи между русскимъ югомъ и колыбелью Великороссіи, Ростово-Суздальской волостью, продолжали неизмѣнно крѣпнуть. Киевъ въ теченіе перваго періода русской исторіи былъ не только столицей полянъ, но и чѣмъ то неизмѣримо большимъ. Отнявъ его какъ отъ киевлянъ, такъ и отъ жителей Ростово-Суздальской волости можно было не иначе, какъ вмѣстѣ съ ихъ сердцемъ.

Татарское иго, правда, надто разобщило русской югъ и юго-западъ отъ русскаго сѣверо-востока. Быть, языкъ, культура, правовыя навыки сѣвера и юга успѣли за это время значительно разойтись, но тѣмъ не менѣе и за эти долгіе годы сознание общерусскаго національнаго единства не померкло окончательно.

Это сознание громко, на всю Русь, звучало, в частности, в традиционной формуле московских государей: «не то только наша отчина, которые города нынѣ за нами, — вся русская земля, изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». Съ другой стороны о принадлежности народа украинскаго къ «единому народу российскому» писалъ въ 1654 году къ царю Алексѣю Михайловичу и самъ гетманъ войска запорожскаго, Богданъ Хмельницкій. Онъ же просилъ въ Переяславлѣ московскихъ посланцевъ, чтобы царь «призирнулъ свою вотчину Киѣвъ милостью своею, какъ орелъ призираетъ гнѣздо свое». Все это говорилось и писалось еще въ то время, когда о какой бы то ни было руссификаціи Украины не могло быть еще и рѣчи. Подобная руссификація очевидно не могла начаться ранѣе 1654 г.

Украинская историческая литература не перестаетъ утверждать, что годъ, когда произошло присоединеніе Украины, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ, когда начата надъ ней московскій гнетъ: смятая форма, въ которую вылилось присоединеніе, явились результатомъ «предательства» со стороны Москвы, сумѣвшей обмануть украинскую сторону. Автору настоящей замѣтки приходится уже доказывать въ печати, что казацкіе вожди во главѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ добивались отъ «великаго государя» отнюдь не дарованія Украинѣ какихъ-либо государственныхъ правъ, а стремились исключительно къ «расширенію и ушедренію» чисто корпоративныхъ казацкихъ войсковыхъ вольностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оставляли за ца-

ремъ въ отношеніи Украины, какъ цѣлаго, права, принадлежавшія раньше польскому королю и всячески стремились сохранить на Украинѣ тотъ сословно-крѣпостной укладъ, который существовалъ въ ней въ эпоху польскаго господства. Въ результатъ казацкіе вожди получили именно то, чего они хотѣли. Великій государь «пожаловалъ ихъ по ихъ прошенію». Истинное значеніе актовъ 1654 г. прекрасно понималъ еще въ 80-хъ годахъ авторитетнѣйшій украинскій дѣятель М. П. Драгомановъ. «Статья Б. Хмельницкаго, писалъ онъ, не были верхомъ государственной премудрости. ...Выработанныя казаками статья сохраняли старое неравенство среди украинскаго населенія. Казаки оставляли также неприкосновеннымъ верховное самодержавное право царя надъ землей и подданными».

Но если бы даже были правы тѣ, которые утверждаютъ, что въ 1654 г. Москва, принявъ къ себѣ Украину въ качествѣ государственнаго тѣла, эту государственность не замедлила предательски разрушить, то и тогда какой-либо практической выводъ для сегодняшняго дѣя изъ «предательства», которому скоро минетъ 300 лѣтъ, очень трудно будетъ сдѣлать. Въ исторіи нерѣдко сглаживаются совершенно безслѣдно и не такія несправедливости. Украина, по крайней мѣрѣ, добровольно присоединилась къ Москвѣ. Безспорной несправедливостью было, конечно, присоединеніе Великаго Вольнаго Новгорода, Тверскаго княжества и многихъ другихъ земель къ Москвѣ, и тѣмъ не менѣе ни въ Новгородѣ, ни въ Твери политическаго сепара-

тизма, какъ извѣстно, не существуетъ. Историческій процессъ состоитъ въ вѣчномъ обновленіи, въ постоянномъ отказѣ отъ какой то части прошлаго. Съ того момента, какъ прошлое какого-нибудь народа перестаетъ быть для него живой традиціей, неизбежно теряетъ свою остроту и то, что ранѣе переживалось, какъ жесточайшая обида. Недаромъ, по компетентному заявленію самаго Драгоманова, «національность украинская замерла до самаго XIX вѣка, когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 году, а въ остальной, большей части Украины, только въ 1861 г.» Украинское «самостійничество» въ отношеніи къ Россіи есть фактъ самаго недавняго прошлаго.

Конечно, болѣе чѣмъ странно звучало бы утвержденіе, что между Москвой и присоединившейся къ ней Украиной не было никакихъ недоразумѣній и столкновеній. Напротивъ, столкновеній и несправедливостей было сколько угодно. Но въ тѣ же годы все болѣе и болѣе развивались культурныя взаимоотношенія между Украиной и Москвой. Первоначально главенство въ этомъ дѣлѣ принадлежало высоко просвѣщенному южно-русскому духовенству. Россія только значительно позднее, но это сторонней верзуща свой культурный доль Украинѣ. Въ то-тѣ все послѣдующее культурное развитіе Россіи прошло подъ знакомъ слянія двухъ творческихъ стихій: неликорусской и украинской.

А Я. Шульгинъ въ своей книгѣ

«Украина противъ Москвы» говоритъ, что «надъ всей Украиной паритъ два генія — Николай Гоголь и Тарасъ Шевченко» Это свидѣтельство какъ нельзя болѣе подтверждаетъ, что культурнаго рубежа между Украиной и Россіей проложить во всякомъ случаѣ нельзя. Конечно, дѣло въ данномъ случаѣ не въ томъ, что Гоголь писалъ на русскомъ языкѣ. Еще до Гоголя на русскомъ языкѣ писали и такіе несомнѣнно литературно одаренные люди, какъ Богдановичъ, Капнистъ, Гибличъ. Но ни одинъ русскій писатель не олицетворяетъ съ такой выразительностью блестящаго синтеза двухъ творческихъ національных стихій, какъ Гоголь. Этотъ владѣлецъ всей душой любить свою Малороссію и вмѣстѣ съ тѣмъ до болѣзненности страстно любить онъ и всю Россію. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» и авторъ «Мертвыхъ Душъ» по силѣ своего національнаго самосознанія — два родныхъ брата. И если геній Гоголя дѣйствительно «спаритъ надъ всей Украиной», то и русская литература въ ея цѣломъ безконечно обязана Гоголю. «Мы всѣ явились изъ подъ «Шинеля» Гоголя», сказать, какъ извѣстно, Достоевскій, и эта его фраза приложима въ первую очередь къ нему самому.

Въ какой мѣрѣ до самаго послѣдняго времени, бывало иногда трудно провести культурную грань между Украиной и Россіей видно хотя бы по такому выдающемуся писателю, какимъ былъ В. Г. Короленко. Время, отдѣляющее Гоголя (умеръ въ 1852 г.) отъ Короленко (умеръ въ 1921 г.), не могло, конечно, не сказаться. Гоголь вообще не ставилъ себѣ

вопроса о своей национальности. В. Г. Короленко был уже вынужден этот вопрос себѣ задать. «Уже на школьной скамьѣ, пишетъ онъ въ «Исторіи своего современника», задалъ я себѣ вопросъ: кто я? Этотъ головоломный, пожалуй, даже неразрѣшимый, вопросъ сталъ центромъ маленькой драмы въ моей неокрѣпшей душѣ». Дѣйствительно, проблема была сложной. По семейнымъ преданіямъ родъ Короленко шелъ отъ Миргородскаго полковника, мать его была полькой, по культурѣ же онъ былъ русскимъ. «Въ концѣ концовъ, замѣчаетъ Короленко, этотъ душевный кризисъ разрѣшился тѣмъ, что меня всецѣло привлекла русская литература. Некрасовъ побѣдилъ въ моей душѣ Шевченко, а никогда не виданная въ дѣтствѣ Волга — такой же не виданный Дятльпръ».

Итакъ, украинская культура до самого послѣдняго времени росла на томъ же корню, что и великорусская. Это неизмѣрующее общерусское культурное единство, поддержанное особой близостью языковъ, великорусскаго и украинскаго, длительной общностью историческаго прошлаго, наличиемъ общихъ национальных могилъ и историческихъ воспоминаній, въ первую очередь свидѣтельствуешь о полной искусственности и неорганичности украинскаго сепаратизма.

Когда А. Я. Шудынянъ пишетъ, что «спасеніе Украины зависитъ отъ нашего умѣнія создать между нами и русскими опредѣленное разстояніе, — разстояніе политическое, которое создается границей, и разстояніе моральное, которое зависитъ отъ нашего умѣ-

нія развить свою собственную культуру», то онъ, по существу, покушается на самые истоки столь дорогой ему украинской культуры. Путь большой культуры всегда самодовлѣющъ. Она не можетъ, не потерявъ своего внутреннего достоинства, подчиниться социальному или национальному заказу, сдѣлаться служанкой политики. Быть можетъ фактически и возможно обратить культуру въ простое орудіе практической политики, но это неминуемо обойдется слишкомъ дорогой цѣной. Въ большомъ масштабѣ это будетъ то, что въ наше время такъ наз. «ширмы» украинцами продѣлывается надъ украинскимъ языкомъ. Еще въ 1908 году патриархъ славяновѣдѣнія хорватъ по происхожденію, Ягичъ, рѣшительно осудилъ подобнаго рода эксперименты. Въ наши дни его предостереженія приобретаютъ еще больший вѣсъ. Стремленіе придать галицкому языку «самостоятельность по отношенію къ великорусскому, писалъ Ягичъ, увлекаетъ нѣкоторыхъ писателей къ всевозможнымъ искусственно, по польскимъ и нѣмецкимъ образцамъ придуманнымъ новообразованиямъ, каковымъ дается преимущество передъ древнимъ общерусскимъ наслѣдіемъ... Подобныхъ крайностей, противорѣчащихъ правильно понятымъ интересамъ естественнаго развитія малорусскаго языка, никоимъ образомъ нельзя одобрить». Еще въ меньшей степени можно, конечно, прежде всего даже съ украинской точки зрѣнія, «одобрить» старанія оторвать цѣликомъ всю украинскую культурную вѣтвь отъ общерусскаго корня. Въ лучшемъ случаѣ такая полнѣ-

тика равнялась бы длительному отказу отъ большихъ и широкихъ культурныхъ дорогъ въ пользу узкаго проселка.

Въ защиту своего стремленія оторваться отъ Россіи не только политически, но и культурно, украинскіе сепаратисты приводятъ между прочимъ и то соображеніе, что украинскій народъ, «желающій жить и завоевать себѣ равноправное мѣсто среди другихъ народовъ міра», не долженъ находиться въ моральномъ содѣлствѣ съ великорусскою націей, вѣчно страдающей разнаго рода разрывительными духовными болѣзнями. «духомъ нигилизма, анархіей, мистицизмомъ, слабостью воли, деспотизмомъ, болшевиизмомъ»

Столь рѣшительное противопоставленіе духовныхъ свойствъ двухъ народовъ, находящихся въ наиболѣе близкой степени родства и живущихъ въ одинаковыхъ приблизительно социальныхъ условіяхъ, въ той мѣрѣ, въ какой оно вообще искренно, основано на явномъ недоразумѣніи. Всякій, кто пережилъ на Украинѣ смутные революціонные годы, прекрасно знаетъ, въ какой мѣрѣ масса украинскаго населенія была въ то время большевистски или полубольшевистски настроена. Передъ большевизмомъ Украина въ концѣ концовъ оказалась столь же безсильной, какъ и русскій сѣверъ. Когда 9 февраля большевистскіе отряды оладѣли Кіевомъ, то пѣть оставшіеся въ городѣ были немало удивлены тому исключительно незначительному количеству войскъ, которыя вмѣстѣ съ Муравьевымъ вошли въ городъ. Генеральный Секретаріатъ Украины, тогда въ одно и то же время и ведшій перегово-

ры съ французскимъ официальнымъ комиссаромъ въ Кіевѣ, и спѣшно заключавшій сепаратный миръ въ Брестъ-Литовскѣ съ нѣмцами, оказался не въ состояніи найти во всей Украинѣ достаточно военныхъ силъ, чтобы отразить наступавшіе немногочисленные большевистскіе отряды. Та же исторія повторилась и нѣсколько позже, когда С. Петлюра свергнулъ правительство гетмана Скоропадскаго. Количество войскъ, вошедшихъ на этотъ разъ вмѣстѣ съ Петлюрой въ Кіевъ, было очень внушительнымъ, но для всякаго безпристрастнаго и не ослѣпленнаго предвзятой идеей челоука было уже тогда ясно, что громаднѣйшая часть петлюровскаго войска шла за янмъ главнымъ образомъ потому, что она была недовольна земельной политикой Скоропадскаго и что въ дальнѣйшемъ большая часть этихъ войскъ еще съ большей охотой пойдетъ за большевиками. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось. При наступленіи большевистскихъ войскъ петлюровская армія не замедлила растаять какъ дымъ. Самъ А. Я. Шульгинъ во многихъ мѣстахъ своей книги вынужденъ былъ признать, что «большевистскія пропаганда производила большое впечатлѣніе на украинскихъ солдатъ» и что послѣдніе самое большее соглашались держать нейтралитетъ въ отношеніи большевиковъ. Но большевизмомъ въ смутные годы была заражена не только масса украинскаго населенія. Большевистски настроенные депутаты были и въ Центральной Радѣ. Въ самомъ генеральномъ секретаріатѣ имѣлись лица, которыхъ А. Шульгинъ называетъ

безпринципными и которые мало чѣмъ отличались отъ настоящихъ большевиковъ. Самъ первый предсѣдатель генеральнаго Секретариата Украины, писатель Винниченко, сдѣлался, какъ извѣстно, на время большевикомъ. Послѣ установленія большевистскаго господства на Украинѣ, среди народныхъ комиссаровъ большая часть была мѣстные прирожденные украинцы.

Въ этихъ условіяхъ говорить о большевизмѣ, какъ объ импортномъ великорусскомъ товарѣ и противопоставлять «конструктивныя силы Украины разрушительнымъ тенденціямъ Московіи», значитъ закрывать глаза на общезвѣстные факты. Недаромъ и исторія украинскаго правительства въ такой точности повторяетъ исторію Времен. Прав-ва. Для него вообще «положеніе было безвыходнымъ». Организовать большое государство во времена революціоннаго возбужденія, въ моментъ ликвидаціи большой войны было задачей сверхъ-человѣческой трудности. Я сразу понялъ, заключаетъ А. Шулгинъ, что мы стоимъ на краю пропасти». Здѣсь все, даже самая выраженія, хорошо знакомы всѣмъ, жившимъ тогда въ любомъ мѣстѣ Россіи.

Волей историческихъ судебъ Россія и Украина оказались гораздо болѣе тѣсно другъ съ другомъ связанными, чѣмъ это хотѣлось бы сепаратистамъ. вмѣстѣ создавали украинцы и великороссы общерусскую культуру, вмѣстѣ «переболѣли» они въ революціонные годы большевизмомъ, вмѣстѣ страдаютъ теперь отъ большевистскаго господства, — естественно, вмѣстѣ должны и освобождать-

ся отъ обрушившагося на нихъ несчастья.

Не въ меньшей степени противорѣчатъ фактамъ и утвержденіе сепаратистовъ, что въ противоположность Россіи, якобы бывшей «тюрьмой для населявшихъ ее народовъ», Украина съ особымъ вниманіемъ относилась къ своимъ національнымъ дѣламъ. Правда, на Украинѣ по почину Врем. Прав-ства возникли министерства меньшинствъ, великорусскаго, еврейскаго и польскаго, и Рада уже по своей собственной инициативѣ приняла законъ о ихъ національно-персональной автономіи. Но на дѣлѣ министры меньшинствъ никакими реальными правами не пользовались, а законъ о національно-персональной автономіи фактически осуществленъ не былъ. Дѣйствительныя же національныя взаимоотношенія на Украинѣ, къ сожалѣнію, лишній разъ подтвердили тотъ фактъ, что во вновь образуемыхъ «национальныхъ государствахъ» правящее национальное ядро очень часто забываетъ свое недавнее положеніе «угнетенной нашіи» и начинаетъ съ величайшей энергіей угнетать свои національныя меньшинства. Въ архивѣ министерства по великорусскимъ дѣламъ въ Киевѣ въ свое время сохранилось внушительное количество дѣлъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ разгромѣ, которому подверглись на Украинѣ русскія культурныя учрежденія, а также и о прямыхъ изъятіяхъ «москатей», чуть ли не официально признаваемыхъ въ то время наиболѣе упорными врагами «самостійной Украины». Одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ случаевъ подобныхъ изъятій, имѣвшій мѣсто въ Плта-

въ, вызвалъ страстный протестъ со стороны В. Г. Короленко. Что касается еврейскихъ погромовъ, то и въ этомъ отношеніи на молодой и недоговоренной «Украинской народной республикѣ» лежить немало тяжчайшихъ грѣховъ. Совершенно тщетно доказывать, какъ это дѣлается въ украинской литературѣ, что еврейскіе погромы на Украинѣ — тяжкое «наслѣдство царизма». Украинцы обычно приписываютъ себѣ исторію Киева X-XII вв., но въ такомъ случаѣ имъ придется отнести на свою долю и первый еврейскій погромъ въ русской исторіи, происшедшій, какъ извѣстно, въ Киевѣ въ 1113 г. Достаточно прочитавъ чтеніе еврея Натана Ганновера, современника казачьихъ войнъ первой половины XVII в., со всеми описанными въ ней ужасами, чтобы разъ навсегда отказаться отъ утверждений, что украинскіе атаманы научились громить евреевъ только въ XX вѣкѣ.

Все, что до сихъ поръ сказано, отнюдь не имѣетъ цѣлью отрицать различіе и положительное значеніе вполнѣ жизненной и законной украинской политической идеи. Но говорить о томъ, какъ въ теченіе всего XIX в., послѣ появленія на свѣтъ «Энеиды» Котляревскаго (въ Галиціи аналогичная роль выпала на долю «Русалки Днѣстровой» Шашкевича, вышедшей въ 1837 г.) росло и крѣпло въ Россіи украинское движеніе, и въ какихъ формахъ оно въ разныя времена въ разныхъ условіяхъ облекалось, — значило бы поднять новую обширную тему. Тотъ официальный походъ противъ украинской культуры, который начался въ

1876 г., былъ несомнѣнно преступительнымъ покушеніемъ на свободу творческаго духа. Ничего кромѣ вреда и Украинѣ, и всей Россіи подобная политика не принесла. Въ частности, она заставила перенести центръ украинскаго національнаго движенія изъ Киева во Львовъ, откуда оно впоследствии вернулось въ Россію, но уже съ явной печатью галицкаго наслѣдства.

Какъ бы то ни было, къ 1906-6 годамъ украинская литература въ количественномъ отношеніи по сравненію съ другими славянскими странами уступала только русской и польской и самый украинскій языкъ пересталъ уже быть «простонароднымъ», а сдѣлался языкомъ науки и подлинно-художественной литературы. Успѣхи сдѣланные украинскимъ движеніемъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, служатъ достаточной гарантіей того, что передъ украинскимъ творческимъ геніемъ раскрыта дорога къ еще большому расцвѣту. Но, какъ было уже сказано, самыя условія, въ которыхъ до нашихъ дней создается украинская культура, требуютъ такихъ формъ взаимоотношеній Украины съ Россіей, которыя могли бы возможно полнѣе сочетать мѣстную культурную и политическую самобытность съ единствомъ изълага. Такая форма дана въ политикѣ федерации. Всякій иной способъ разрѣшенія украинскаго вопроса, въ сторону ли прежней централизаціи или же полного отдѣленія, останется только временнымъ и поведетъ лишь къ новымъ недоразумѣніямъ.

Какое дѣйствительно серьезное препятствіе можетъ въ концѣ концовъ стать на пути къ подобной

федерации? «Великорусский империализм», отвѣтить на этотъ вопросъ украинскіе сепаратисты, тотъ империализмъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, незримо для самихъ себя страдаютъ даже наиболѣе демократически настроенные русскіе люди.

Удивительно при этомъ прежде всего то, что совершенно однородныя явленія, когда они касаются украинцевъ, именуется сепаратистами «патріотизмомъ», а въ отношеніи Россіи называютъ «империализмомъ». Почему, напр., притязанія украинцевъ на сѣверный берега Чернаго моря являются доказательствомъ ихъ патріотизма, — чувства, по мнѣнію сепаратистовъ, вообще мало знакомаго русскому человѣку, — а нежеланіе русскихъ людей лишиться тѣхъ же береговъ свидѣтельствуетъ только о ихъ неискоренимомъ империализмѣ?

Между тѣмъ даже самый фактъ завоеванія береговъ Чернаго моря не можетъ быть цѣлкомъ приписанъ империализму русскихъ государей. Власть въ данномъ случаѣ шла по народнымъ столамъ и проявленное ею упорство было только естественнымъ завершеніемъ чисто народныхъ, стихійныхъ, усилій. Значеніе побѣды Румянцова, Потемкина, Суворова было общерусскимъ и армія этихъ полководцевъ никогда не была только украинской. Никто иной какъ М. Драгомановъ писалъ, «какъ только Петръ I началъ войну съ турками, запорожцы стали вѣрными слугами его... а Екатерина II-ая была очень популярна среди нашего народа, какъ и среди интеллигенціи». Въ этихъ словахъ — признаніе того, что русское правительство сумѣло въ дан-

номъ случаѣ выполнить задачу, тѣсно связанную съ украинскими національными цѣлями. На берегахъ Чернаго моря тѣсно сплелись интересы различныхъ народовъ, населяющихъ Россію. Предоставленіе этихъ береговъ однимъ только украинцамъ было бы явнымъ насиліемъ и несправедливостью передъ другими частями бывлой Россійской имперіи.

Наконецъ, что касается скрытаго империализма демократически настроенныхъ элементовъ русскаго общества, то чувство справедливости заставляетъ признать, не то, конечно, что обвиненіе русскаго общества въ склонности къ великодержавію является правильнымъ, а то, что русская интеллигенція дѣйствительно въ значительной степени оказалась застигнутой врасплохъ той остротой, съ какой національный вопросъ началъ ставиться въ Россіи къ началу великой войны. Русская интеллигенція привыкла видѣть въ національныхъ вопросахъ исключительно часть общерусской политической проблемы и сумѣла внушить то же миропониманіе и значительной части интеллигенціи другихъ народностей, вмѣстѣ съ ней создававшихъ общерусскую культуру и рядомъ съ ней участвовавшей въ русскомъ освободительномъ движеніи, — «за нашу и вашу свободу». Въ конечномъ итогѣ такое миропониманіе связано съ тѣми обстоятельствами, что національное сознаніе въ Россіи, въ ходѣ ея историческаго развитія, могло сложиться только въ общерусской формѣ и что «украинское», «бѣлорусское» и другія національныя сознанія начали складываться раньше, чѣмъ возникло специальное «великорус-

ское национальное сознание». Почему так случилось,—это опять-таки особый и сложный вопрос, но во всякомъ случаѣ отсюда очень далеко до вывода о наличіи у русской демократической интеллигенціи скрытаго империализма. Какъ бы то ни было, не отдѣленіе отъ Россіи можетъ явиться дѣйствительной гарантіей отъ предполагаемаго централизма и империализма будущей Россіи, а возможно болѣе активное участіе въ дѣлѣ ея возрожденія.

Этотъ выводъ стоитъ въ тѣс-

ной связи съ традиціями самого украинскаго движенія и былъ провозглашенъ уже сравнительно давно устами одного изъ наиболѣе выдающихся и чтимыхъ представителей украинской національной мысли: «Получить политическую свободу въ Россіи, по заявленію М. И. Драгоманова, украинская нація не можетъ путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи, путемъ федерализма».

Д. М. Одинецъ.

По поводу „стахановщины“

«Извѣстія» и «Правда» послѣднихъ мѣсяцевъ наполнены тщательно вылизанной стахановщиной. Долженъ сознаться: для меня въ этихъ газетахъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, по крайней мѣрѣ, принципиально новаго. Пишутъ люди въ большинствѣ лично мнѣ извѣстные и пишутъ по вопросамъ тоже мнѣ извѣстнымъ. Совѣтъ не нова и стахановщина. Значенательно только то, что совѣтская печать, заполая цѣлыя полосы стахановщиной, открывая стахановщиной «новую эру» социалистическаго строительства, ни единымъ словомъ не обмолвилась о доблестномъ предкѣ стахановщины, донбассовскомъ забойникѣ Никитѣ Изотовѣ, о его сверхъ-ударныхъ сынахъ, его сверхъ-американскихъ рекордахъ и — тоже о «новой эрѣ», открытой было изотовщиной.

Совѣтскую печать и совѣтскихъ вождей можно понять: вспоминать объ изотовскихъ методахъ, рекордахъ и изотовской «эрѣ» —

было бы безтактно. Большевики умѣютъ помнить, но, когда надо, умѣютъ и забывать. Изотовщина умерла и повидимому забыта крѣпко. Тенерь стахановщина, точно такъ же, какъ въ свое время изотовщина, расплзается на всѣ отрасли промышленности, сельскаго хозяйства, правительственнаго аппарата и даже литературы. Не нужно обладать особыми пророческими дарованіями, чтобы предвидѣть: стахановщину постигнетъ участь изотовщины. А эта, изотовская участь — пезавидная, — недаромъ объ «открывающихъ новую эру» методахъ Изотова большевики такъ упорно молчать...

По поводу изотовщины я въ свое время ѣздилъ въ Донбассъ, изучалъ этотъ опытъ на мѣстѣ его рожденія, фотографировалъ и интервьюировалъ Изотова, его забой, его врубовку, его сыновей и прочее, — словомъ, дѣлалъ все то же и съ тѣмъ же ироническимъ чувствомъ, что дѣлаютъ сейчасъ московскіе журналисты